

## Феномен пуштунского национализма во внутренней политике движения «Талибан»

Екатерина Р. Арруе

*Российский государственный гуманитарный университет  
Москва, Россия, katearrue@gmail.com*

*Аннотация.* В данной статье рассматривается роль национального фактора, а именно пуштунского, в формировании внутренней политики «Талибана». Так как Афганистан является государством, на территории которого проживает большое количество этносов, важно рассмотреть, каким образом политические силы выстраивают свою программу, насколько полно представлены все этносы в структуре власти. Движение «Талибан» находилось у власти два периода, один из которых продолжается до сих пор. Таким образом, можно проследить эволюцию пуштунского фактора и определить, насколько такой феномен, как национализм, в целом актуален для крайне религиозного общества. Большое количество работ посвящено религиозной составляющей в идеологии движения, что объясняется доминирующей ролью ислама на территории Афганистана. Однако в истории страны была попытка секуляризации в период правления Народно-демократической партии Афганистана (НДПА). В ретроспективе видно, что данный подход вызвал отторжение со стороны общества в силу многих причин. Отход от религии в традиционном мусульманском обществе воспринимается как вызов и становится причиной недовольства со стороны граждан. Принадлежность к Умме является приматом над национальной идентичностью. Что касается Афганистана, то страна разделяется на зону влияния, где проживают те или иные этносы. Пуштуны насчитывают примерно 50% от афганского населения, что обуславливает важность учета интересов данного народа в формировании политического курса.

*Ключевые слова:* пуштунский национализм, Афганистан, этнический фактор во внутренней политике, движение «Талибан»

*Для цитирования:* Арруе Е.Р. Феномен пуштунского национализма во внутренней политике движения «Талибан» // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2023. № 4. С. 86–96.  
DOI: 10.28995/2073-6339-2023-4-86-96

## Phenomenon of Pashtun nationalism in the domestic policy of the Taliban movement

Ekaterina R. Arrue

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,*

*katearrue@gmail.com*

*Abstract.* The article is devoted to the role of the national factor, specifically the Pashtun nationality, in the process of shaping the policy of the “Taliban”. Since there are a lot of ethnic groups living on the territory of Afghanistan, it is worth studying how various political forces manage their agenda and how fully each ethnic group is represented in the structure of government. The “Taliban” movement has been in power for two terms, one of which is still going on. Thus, it is possible to trace back the evolution of the Pashtun factor and determine the influence of nationalism on the political discourse of the extremely conservative society. There are a lot of research papers that are devoted to the religious component in the ideology of the movement, and that can be explained by the prevailing role of Islam on the Afghan territory. However, under the rule of the National Democratic Party of Afghanistan (NDPA), an effort was made to secularize the Afghan society. In hindsight, it can be seen that such approach has led to social rejection due to many reasons. The efforts of neglecting or minimizing the role of religious institutions in the traditional Muslim society are perceived as a challenge and cause discontent among citizens. The affiliation with the whole Umma prevails over national identity. As for Afghanistan, the country is split into the zones of influence, and they can be governed by other forces, different from the official “Taliban” government in Kabul. The Pashtun community amounts to approximately 50% of the whole Afghan population which makes it important to take into account their role in the political process.

*Keywords:* Pashtun nationalism, Afghanistan, ethnic factor in domestic politics, Taliban movement

*For citation:* Arrue, E.R. (2023), “Phenomenon of Pashtun nationalism in the domestic policy of the Taliban movement”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 4, pp. 86–96, DOI: 10.28995/2073-6339-2023-4-86-96

### Введение

Любой региональный конфликт, как правило, имеет несколько измерений: политическое, экономическое, идеологическое, культурное, национальное и остальные сферы, в которых могут

столкнуться интересы разных социальных групп. Однако конфликты на Большом Ближнем Востоке имеют общую основу – религиозную, которая не всегда играет преваляющую роль, но так или иначе лежит в базисе, на котором надстраиваются остальные мотивы. Религиозные институты играют роль посредника между государством и обществом: политические режимы обретают уверенность и поддержку общества путем кооптирования, умиротворения или даже прямого принуждения следованию текущей общественной идее по средствам деятельности исламских институтов<sup>1</sup>. Важность религиозного аспекта не вызывает сомнения, однако, по мнению востоковеда Саида Гафурова, слова «исламский» или «мусульманский» в названиях ближневосточных политических организаций стали пропагандистским, электоральным приемом [Гафуров 2019]. С данным тезисом можно согласиться лишь отчасти, так как общество на Ближнем Востоке в большинстве своем остается крайне консервативным и традиционным, поэтому роль ислама все еще преваляющая и пронизывает все сферы жизни. Однако нельзя не отметить, что трансформация сознания, в том числе и политического, постепенно происходит. Исходя из этого, стоит обратить внимание, какие мотивы и факторы используются организациями на Ближнем Востоке и Центральной Азии, чтобы добиться власти. Вопрос о месте национальности или даже национализма в сознании мусульманина также трактуется по-разному. Например, Аравийский полуостров достаточно условно разделен на национальные государства: самосознание саудовца лет 50 назад не слишком отличалось от сознания катарца, так как общая религия (даже ее течение: обе монархии исповедуют ислам суннитского толка), общий язык, не делящийся на диалекты, – все это вкупе с принадлежностью к общей мусульманской Умме стирало понятие «национализм» из политического дискурса. Но даже в столь условно гомогенном регионе в последние десятилетия вопрос о национальном самосознании начинает активно обсуждаться и осмысляться на различных уровнях.

Говоря об Афганистане, стоит отметить, что фактор национализма имеет более агрессивную, активную наступательную природу: на территории страны живут пуштуны, таджики, хазарейцы, узбеки, туркмены, белуджи, пашаи, арабы и некоторые другие этнические группы. На территории Исламского Эмирата Афгани-

---

<sup>1</sup> См.: *Wehrey F.* Islamic institutions in Arab States: mapping the dynamics of control, co-option, and contention. URL: <https://carnegieendowment.org/2021/06/07/islamic-institutions-in-arab-states-mapping-dynamics-of-control-co-option-and-contention-pub-84647> (дата обращения 5 июля 2023).

стан<sup>2</sup> два государственных языка: пушту и дари, которые относятся к иранской группе индоевропейской семьи. Носителями пушту являются, как несложно догадаться, пуштуны, которые достигают примерно 50% населения. В этом случае легко выделить основную таргет-группу для политических организаций. Естественным образом будут предприняты попытки учета интересов большинства, которое впоследствии должно стать электоратом той или иной силы. Поэтому автор видит релевантным рассмотреть не только религиозные мотивы в политической программе движения «Талибан», но и такой фактор, как пуштунский национализм. Путем использования ретроспективного метода и сравнительного анализа можно изучить два политических подхода: пребывание у власти талибов в период 1996–2001 гг. и с 2021 г. по нынешний момент, какую роль играет национализм, в каких формах он присутствует, и предположить возможный вектор развития данного явления в политическом дискурсе Афганистана.

Историография движения «Талибан» пока еще небогата, и она ограничивается несколькими изданиями, заслуживающими внимания исследователей: М.К. Арчаков «Природа и корни идеологических установок движения “Талибан”», В.Г. Коргун «Талибы и Центральная Азия: на авансцене – терроризм», Е.В. Крыжко, С.С. Щевелев «Из истории движения «Талибан» в Афганистане», Е.А. Степанова «Фактор ИГИЛ и движение Талибан в политике России по Афганистану и в более широком регионе», И. Сафранчук, В. Жорнист «Казус “Талибана” и особенности полицентричного мира», Е.С. Васецова «Движение “Талибан” и его роль в региональных политических процессах», Р.Р. Сикоева «Талибы: религиозно-политический портрет», В.Я. Белокреницкий и Р.Р. Сикоева «Движение Талибан и перспективы Афганистана и Пакистана». Помимо российских авторов, в историографии данного вопроса есть зарубежные исследователи, которые также внесли вклад в изучение различных аспектов движения «Талибан»: П. Марсден «Талибан. Война и религия в Афганистане», Р. Bergen «Talibanistan: Negotiating the Borders Between Terror, Politics, and Religion», A. Rashid «Taliban: Militant Islam, Oil and Fundamentalism in Central Asia». Очевидно, что с каждым годом количество исследований на тему Афганистана и роли «Талибана» в его политической жизни будет только увеличиваться, так как, несмотря на измененный дискурс мировой повестки, «афганский вопрос» все еще остро стоит для Центральной Азии и требует совместных и скоординированных усилий всего мирового сообщества.

---

<sup>2</sup> Официальное название Афганистана, принятое «Талибаном» после захвата Кабула в августе 2021 г.

Помимо численного преобладания пуштунов на территории Афганистана, важным фактором их специфики и самодостаточности является пуштунское самосознание, которое лежит в основе пуштунского национализма. Для более четкого осознания менталитета пуштунов следует обратиться к «Пуштунвали» («Кодекс чести пуштунов»), который включает в себя следующие черты народности: преобладание трайбализма и тесных семейных отношений; воинственность за честь и независимость; неприятие управления извне и национальная гордость [Оришев 2015]. Эти принципы объясняют тот факт, что Афганистан так и не был покорен: ни Великобритания, ни СССР, ни США не смогли установить власть, которая была бы по душе титульному народу Афганистана.

Однако советские войска не потерпели военного поражения в Афганистане, они в 1989 г. были выведены из страны на основании Женевских соглашений, в связи с невозможностью решить афганские проблемы военным путем [Христофоров 2008, с. 23–47; Христофоров 2019].

Исследователи отмечают, что даже во времена распространения ислама пуштуны приняли его, но в форме «пуштунство есть ислам, а ислам есть пуштунство». Такая местами надменная риторика объясняется принадлежностью к «детям Израилевым» (Бани Исраил). Именно с потомками «детей Израилевых» Всевышний заключил «союз» еще до появления пророка Мохаммеда [Хамгаев 2004, с. 142].

Выделение пуштунов во внутренней политике афганских властей стало особо заметно в 30-е годы прошлого столетия. Становление пуштунов в качестве титульной нации взращивало националистические настроения среди этого народа и не могло не повлиять на взаимоотношения с хазарейцами, таджиками, узбеками и другими народностями, населявшими Афганистан. Это недовольство проявилось в выступлениях таджикского населения в Кухистане и Кухдомане, которые были подавлены властями. Закономерным результатом пуштунализации, зачастую проходившей достаточно жестким образом, стало возведение пушту в ранг государственного языка в 1936 г. [Абдуллоев 2013].

Проведя краткий исторический экскурс и очертя ключевые составляющие пуштунского национализма в целом, можно рассмотреть, какое место данное явление занимает во внутренней политике «Талибана». Трудно обозначить точную датировку появления движения «Талибан» на политической карте Афганистана, так как оно стало результатом длительного процесса, начавшегося в 1978 г. с Апрельской (Саурской) революции, когда власть в руки взяла Народно-Демократическая партия Афганистана (НДПА).

А с момента введения ограниченного военного контингента СССР в декабре 1979 г. Афганистан стал настоящим плацдармом для противостояния двух великих держав – СССР и США. Вашингтон, через Исламабад, финансировал моджахедов, то есть борцов за веру, но главное, что они были против официального правительства, поддерживаемого Советским Союзом. Не стоит скрывать тот факт, что у вооруженных формирований порой были совершенно разные цели и задачи. Так на территории Пакистана зародилось движение «Талибан», которое в дальнейшем переместилось на территорию Афганистана. Изначально движение состояло из афганских и пакистанских пуштунов, как правило, выходцев из бедных слоев населения. В руководстве были представлены выходцы из дуррани. Идеология движения базировалась больше на пуштунвали, чем на толковании Корана. Однако мы обозначили выше связь между «Кодексом чести пуштунов» и исламом, поэтому лидеры движения выступали за консерватизм и возвращение к истокам ислама. Талибы не были однородны в своих взглядах, и со временем эта неоднородность проявилась в расколе на условные два течения: радикальное и умеренное. Приверженцы первого направления больше тяготели к взглядам ваххабизма и высказывали радикальные идеи. Что касается «умеренных» исламистов, то их толкование ислама не базировалось на фундаменталистских воззрениях. «Талибан» нашел поддержку не только среди южных пуштунов, но и среди других стран, таких как Пакистан, Саудовская Аравия. Финансирование со стороны Пакистана объясняется тем, что еще во времена сопротивления моджахедов режиму НДПА на территории Пакистана организовывались лагеря для подготовки боевиков, шло активное снабжение оружием. Таким образом, из Пакистана шли потоки вооруженной оппозиции<sup>3</sup> [Кортунов 2021].

Особую поддержку талибы получали от Саудовской Аравии, оказавшей влияние на идеологию «Талибана». Ваххабиты, а впоследствии и талибы, называя себя «обществом единственно правоверных последователей ислама», взялись за тех, кто считал себя мусульманами, но чей образ жизни, по их понятиям, шел вразрез с законами ислама [Марсен 2022; Христофоров 2022].

Саудовцы спонсировали строительство мечетей в Афганистане и Пакистане, создание таких группировок, как Сипах-е-Сахаба Пакистан (SSP), Лашкар-е-Джангви, целью которых было отращивание наступления шиитов в суннитском регионе. Также они

---

<sup>3</sup> Кортунов А. Решение проблемы Афганистана: необходимые условия и международные последствия: доклад Российского совета по международным делам // РСМД. 2021. № 76. М.: НП РСМД, 2021.

покровительствовали профессору Абдул Расулу Сайяфу, который придерживался взглядов ваххабизма. Основными идеологическими мотивами могут считаться: определение «неверных» («кафиров»), т. е. тех людей, которые не исповедуют ислам и против которых необходимо вести «джихад» (священную борьбу за веру); государство может быть исключительно теократическим, светская власть не допускается, только воссоздание халифата<sup>4</sup>; готовность защищать веру вооруженными мерами (в этом аспекте движение перекликается с «Пуштунвали»); борьба с неверными происходит не только по принципу принадлежности к той или иной религии, но даже к идеологическому движению, например, коммунизму, что проявилось в антагонизме к НДПА.

Таким образом, можно определить, каким образом движение аккумулировало в своих руках денежные потоки и тем самым укреплялось на территории Афганистана. Основной целью движения был разгром вооруженных группировок, еще функционировавших в период гражданской войны после свержения власти НДПА. Результатом политической борьбы должно было быть теократическое государство, в котором нет этнических меньшинств на ключевых позициях. Для достижения данной цели был выбран путь «исламского национализма», представляющего собой объединение религиозного фундаментализма и пуштунского национализма [Шах 2014].

Политическим оппонентом «Талибана» было объединение «Северный Альянс», в который входили различные непуштунские народности, которые проживали, что хорошо видно из названия, на севере страны. Оппозиция пыталась сопротивляться талибам, однако безуспешно, и последние взяли под контроль большую часть Афганистана в 1996 г., а к 2001 г. под контролем движения было уже почти 95% страны. Было бы преувеличением сказать, что успех талибов заключается исключительно в ставке на «пуштунизм», однако данный фактор действительно играет серьезную роль. В данном контексте возникает закономерный вопрос: как сформировался дискурс пуштунского национализма во внутренней политике «Талибана»? На этот вопрос трудно ответить однозначно: с одной стороны, пуштуны действительно являются подавляющим большинством, но с другой – нельзя опустить тот факт, что талибы были «взращены» в пакистанских лагерях моджахедов. Вышеуказанный фактор должен был сыграть отрицательную роль в использовании пуштунской риторики «Талибаном», так как националистическое пуштунское

---

<sup>4</sup> Халифат является идеальным политическим устройством государства, по мнению талибов. Управляться данное государство должно исключительно согласно законам шариата.



государство по соседству вызвало было озабоченность со стороны правительства Пакистана из-за линии Дюранда.

Есть мнение, что корни данного явления восходят к коалиции НДПА под названием «Хальк». Правящая партия НДПА сформировалась 1 января 1965 г. К этому времени афганское общество переживало мощную волну политизации [Христофоров 2009]. В политической жизни общества принимали активное участие следующие слои: интеллигенция, студенты, офицеры армии и даже малочисленный рабочий класс. Большинство желало не просто слепо подчиняться режиму, а хотело что-то менять, угнетенные слои больше не могли молчать.

Итак, представители двух левых группировок под руководством Нур Мохаммада Тараки («Хальк») и Бабрака Кармаля («Парчам») объединились в партию (НДПА) для общей цели – политической борьбы и смены режима. Однако два названных лидера имели разные взгляды на продолжение революции, что вносило раскол в единство НДПА. «Халькисты» были политическим меньшинством, но они поддерживали антипакистанский курс партии. По мнению М. Шаха, с подачи «халькистов» движение «Талибан» переняло курс на пуштунский национализм [Шах 2014]. Такое предположение имеет место, хотя нельзя утверждать со всей уверенностью, что именно «халькисты» стали катализатором использования пуштунского фактора «Талибаном». Стоит отметить, что современный курс «Талибана» не столь жестко сконцентрирован на пуштунском национализме. Естественно, пуштуны все еще играют заметную роль внутри движения, но в то же время ряды талибов пополняются таджиками и хазарейцами, последние являются шиитами. Данный фактор может говорить о последовательном смягчении жесткого националистического курса и дальнейшей трансформации этнической политики движения «Талибан».

## *Заключение*

Талибы захватывали власть в Афганистане дважды. В ходе ожесточенной гражданской войны после свержения НДПА в 1992 г. между различными группировками моджахедов на военно-политической арене появилось движение «Талибан», которое пришло к власти в Кабуле и на большей части Афганистана в 1996 г. В первый период нахождения у власти талибов с 1996 по 2001 г. их политика была ярко окрашена фундаменталистскими идеями: запрет на прослушивание музыки и на изображение людей; полный контроль над высказыванием мнения в средствах массовой информации;



принудительная пуштунизация. Последний фактор определяется массовым внедрением пушту во все официальные учреждения, ведение всей документации на пушту, что вызвало ожесточенное сопротивление остальных народностей. Нынешний период начался 15 августа 2021 г., когда лидеры движения второй раз установили контроль над столицей и всей территорией Афганистана. Можно отметить трансформацию в рамках внутренней политики талибов. Все-таки есть определенные основания осторожно говорить о том, что талибы «выучили уроки» прошлого пребывания у власти и выбрали курс на смягчение своей политики. Некоторые исследователи даже называют «Талибан 2.0», упоая на корректировки политического курса. Однако, на наш взгляд, данное утверждение омрачается двумя фундаментальными недостатками: дискриминация женщин, недопущение девочек старше шестого класса к обучению в школе и в высших учебных заведениях; продолжение пуштунского национализма, что вылилось в отказ от формирования инклюзивного правительства и ущемление прав этнических меньшинств на территории Афганистана. Подтверждением данного тезиса является плачевное событие теракта в образовательном центре Каадж в Кабуле, в результате которого было убито более 50 человек, большая часть которых были девушки-старшеклассницы<sup>5</sup>. В основном обучение в центре получали хазарейцы, что стало еще одним поводом для совершения атаки, так как данная этническая группа также подвергалась гонениям со стороны «Талибана».

Подводя итоги, стоит отметить, что ситуация в Афганистане остается непростой во всех отношениях. Продолжаются вооруженные столкновения с оппозицией, Фронт народного сопротивления Афганистана, на который делает ставку Вашингтон<sup>6</sup>, вносит дестабилизацию во внутренний расклад сил. Возможно, именно исходя из нарастающего недовольства и диффузии вооруженных отрядов, лидеры «Талибана» приняли решение взять курс на тотальный контроль и устранение какого-либо инакомыслия. Но, как известно, у каждого действия есть равное ему противодействие, поэтому репрессивные действия со стороны талибов и ставка на пуштунский национализм не могут способствовать «умиротворению» общественного недовольства.

---

<sup>5</sup> The world is ignoring ethnic cleansing in Afghanistan – again. URL: <https://thehill.com/> (дата обращения 7 июля 2023).

<sup>6</sup> См.: Wasielewski P. The Afghan National Resistance Front outlines its strategy: Implications for US Foreign Policy <https://www.fpri.org/article/2022/11/the-afghan-national-resistance-front-outlines-its-strategy-implications-for-us-foreign-policy/> (дата обращения 5 июля 2023).

## Литература

---

- Абдуллоев 2013 – *Абдуллоев Р.* Пуштуны в политической жизни Афганистана // Центральная Азия и Кавказ. 2013. Т. 16. Вып. 3. С. 85–95.
- Гафуров 2019 – *Гафуров С.З.* Крест, полумесяц и арабская нация: идейные течения на Ближнем Востоке. М.; Берлин: Директмедиа Паблишинг, 2019. 246 с.
- Марсен 2022 – *Марсен П.* Талибан: Война и религия в Афганистане / Пер. с англ. Е. Егоровой, Е. Клиновой. М.: ИД «Городец», 2022. 171 с.
- Оришев 2015 – *Оришев А.Б.* «Пуштунвали» – история жизни и философия пуштунов // Вестник экспериментального образования. 2015. № 2 (22). С. 22–32.
- Хамгаев 2004 – *Хамгаев А.* Этнополитический портрет Афганистана: единство или федерализм? // Россия и мусульманский мир. 2004. № 4 (142). С. 141–153.
- Христофоров 2008 – *Христофоров В.С.* Трудный путь к Женевским соглашениям 1988 г. по Афганистану // Новая и новейшая история. 2008. № 5. С. 23–47.
- Христофоров 2009 – *Христофоров В.С.* Афганистан: Правящая партия и армия (1978–1989). М.: Граница, 2009. 318 с.
- Христофоров 2019 – *Христофоров В.С.* Афганские события 1979–1989 гг.: от познания к осмыслению и признанию // Российская история. 2019. № 6. С. 3–21.
- Христофоров 2022 – *Христофоров В.С.* Талибы между религией и традициями племен. [Рец.]: *Марсен П.* Талибан: Война и религия в Афганистане / Пер. с англ. Е. Егоровой, Е. Клиновой. М.: ИД «Городец», 2022. 320 с. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2022. № 4. С. 96–107.
- Шах 2014 – *Шах М.* Пуштунский национализм в Афганистане и Пакистане // Россия и мусульманский мир. 2014. № 11 (269). С. 114–124.

## References

---

- Abdulloev, R. (2013), “Pushtuny v politicheskoi zhizni Afganistana” [The Pashtuns in the political life of Afghanistan], *Central Asia and the Caucasus*, vol. 16, no. 3, pp. 85–95.
- Gafurov, S. (2019), *Krest, polumesyats i arabskaya natsiya: ideinye techeniya na Blizhnem Vostoke* [The Cross, the Crescent and the Arab Nation: Ideological currents in the Middle East], Directmedia Publishing, Moscow, Russia, Berlin, Germany.
- Khamgaev, A. (2004), “Etnopoliticheskii portret Afganistana: edinstva ili federalizm?” [Ethnopolitical portrait of Afghanistan: unity or federalism?], *Rossiya i musul'manskii mir*, vol. 142, no. 4, pp. 141–153.
- Khristoforov, V.S. (2008), “The Hard Path to the 1988 Geneva Accords on Afghanistan”, *Novaya i noveishaya istoriya*, no. 5, pp. 23–47.
- Khristoforov, V.S. (2009), *Afganistan: Pravyashchaya partiya i armiya (1978–1989)* [Afghanistan. Ruling party and army (1978–1989)], Granitsa, Moscow, Russia.
- Khristoforov, V.S. (2019), “Afghan events of 1979–1989: from knowledge to understanding and recognition”, *Rossiiskaya istoriya*, no. 6, pp. 3–21.

- Khristoforov, V.S. (2022), “[Book review]: *Marsden P. The Taliban. War and religion in Afghanistan*. M.: Publishing House “Gorodets”, 2022. 320 p.”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 4, pp. 96–107.
- Marsden, P. (2022), *Taliban: Voina i religiya v Afganistane* [Taliban. War and religion in Afghanistan], Gorodets Publishing, Moscow, Russia.
- Orishev, A. (2015), “‘Pushtunvali’ – istorija zhizni i filosofija pushtunov [‘Pashtunwali’ – the history of life and philosophy of the Pashtuns]”, *Vestnik eksperimental'nogo obrazovaniya*, no. 2, pp. 22–32.
- Shakh, M. (2014), “Pashtun nationalism in Afghanistan and Pakistan”, *Rossiia i musul'manskii mir*, vol. 269, no. 11, pp. 114–124.

### *Информация об авторе*

*Екатерина Р. Аппье*, магистрант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, 125047, Москва, Миусская пл., д. 6; katearrue@gmail.com

### *Information about the author*

*Ekaterina R. Arrue*, master's student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; katearrue@gmail.com